

Если уж и гибнуть в море, то только в море любви. Что я и попыталась сделать в Питере, в театре имени великой русской актрисы Комиссаржевской. На хороший вопрос "Зачем так далеко ехать?" даю хороший ответ: здесь несколько раз в месяц происходит грандиозное самоубийство. Высокое, как поэзия, крутое, как серебристый "Мерседес", и настолько привлекательное, что даже обозревателя "МК" потянуло на скользкий путь самоубийства — под куполом театра. Спектакль "Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей" придумали питерский режиссер Вячеслав Паз и московская художница Алла Коженкова, дама с неуправляемой фантазией.

Вот тут-то за час до спектакля я и решила вступить на скользкий путь самоубийства, дабы проверить его на прочность (в смысле техники безопасности), а главное — испытать на себе его нечеловеческую красоту, о которой вот уже три года твердит вся театральная Россия.

— Полет разрешен, — сказала мне администратор Света, и что-то терешковское шевельнулось во мне. Гордой поступью женщины-космонавта я поднялась на последний ряд балкона, где меня уже поджидали симпатичный монтировщик и инженер по технике безопасности Ферапонтова. С их помощью я надела странную конструкцию из тугих ремней в виде трусов, в какие обычно сажают младенцев, а сверху это прикрыли халатом из белого газа с золотым росшивом.

— Поднимайтесь на ферму, — велела мне Ферапонтова и показала на металлическую дугу высотой метров пять. — Отсюда полетите.

— А я не убьюсь?

— Да что вы? У нас все проверено. Вы сколько весите? 49? Ну, значит, годитесь для полетов. У нас вся конструкция рассчитана на 56 женских и 80 мужских килограммов.

Вся конструкция смахивала на цирковую: два тонких металлических троса, которые протянулись через зал от пятиметровых вышек с краев балкона до середины занавеса наподобие римской цифры "V".

"И зачем ей это надо?" — услышала я за спиной голос осветителя. "Рожденный ползать зачем летает?" — подумала я насчет его приземленности. Но как только монтировщик защелкнул карабин у меня на спине, я всерьез подумала слить с этого полета: 18 метров до занавеса, 8 — над залом. Ужас!

Но было поздно, потому что сразу несколько голосов приказали мне отпустить руки. Я отпустила и повисла, как Буратино, подвешенный на гвоздь зловредным Карабасом.

— Готова? Пускайте ее.

И я прыгнула как Кохару и Дзихэй с обрыва, т.е. с балкона. Душа с растопыренными конечностями отлетела. Но страх перешел в пороссячий восторг и полную амнезию насчет ремней, влившихся в филейные части и ребра.

— Я — чайка, — закричала я в восторженном перелуге, имея в виду терешковские позывные, а не чеховскую героиню, которая плохо кончила. Внизу дружно заржали. Столкнувшись у занавеса высоко над сценой с партнером, мы разлетелись, как заряды "плюс-минус", и плавно поплыли над "морем" назад.

— Ну вы даете! — сказали мне. — У нас артисты, прежде чем летать, месяц на полу репетировали. А вы сразу полетели.

— Красиво, но опасно, — сказала я. — А несчастные случаи были?

— Тьфу, тьфу. Мы ведь перед каждым спектаклем пробные полеты делаем. Только однажды артиста в темноте перед самоубийством пристегнули не к тросу, а к вышке. Так он и остался стоять, "прико-

— Однажды я увидела

зал после спектакля, зятый серыми казенными чехлами. — сказала Коженкова.

"Это же море, — закричала я,

— надо делать спектакль про море". После чего 2000 (две тысячи)

метров недоминированного голубого парашютного шелка накрыли 750

кресел. Зрителей посадили на сцену, и они увидели в зале море, японидные декорации на островах, роскошные костюмы самураев с их самурайской музыкой и танцами. А

главное — историю любви проститутки Кохару и торговца бумагой Дзихэй. Естественно, что у такого дуэта глубокого социального неравенства конец

один — печальный. Внимание! Начинается грандиозное самоубийство.

Вот тут-то за час до спектакля я и решила вступить на скользкий путь самоубийства, дабы проверить его на прочность (в смысле техники безопасности), а главное — испытать на себе его нечеловеческую красоту, о которой вот уже три года твердит вся театральная Россия.

— Полет разрешен, — сказала мне администратор Света, и что-то терешковское шевельнулось во мне. Гордой поступью женщины-космонавта я поднялась на последний ряд балкона, где меня уже поджидали симпатичный монтировщик и инженер по технике безопасности Ферапонтова. С их помощью я надела странную конструкцию из тугих ремней в виде трусов, в какие обычно сажают младенцев, а сверху это прикрыли халатом из белого газа с золотым росшивом.

— Поднимайтесь на ферму, — велела мне Ферапонтова и показала на металлическую дугу высотой метров пять. — Отсюда полетите.

— А я не убьюсь?

— Да что вы? У нас все проверено. Вы сколько весите? 49? Ну, значит, годитесь для полетов. У нас вся конструкция рассчитана на 56 женских и 80 мужских килограммов.

Вся конструкция смахивала на цирковую: два тонких металлических троса, которые протянулись через зал от пятиметровых вышек с краев балкона до середины занавеса наподобие римской цифры "V".

"И зачем ей это надо?" — услышала я за спиной голос осветителя. "Рожденный ползать зачем летает?" — подумала я насчет его приземленности. Но как только монтировщик защелкнул карабин у меня на спине, я всерьез подумала слить с этого полета: 18 метров до занавеса, 8 — над залом. Ужас!

Но было поздно, потому что сразу несколько голосов приказали мне отпустить руки. Я отпустила и повисла, как Буратино, подвешенный на гвоздь зловредным Карабасом.

— Готова? Пускайте ее.

И я прыгнула как Кохару и Дзихэй с обрыва, т.е. с балкона. Душа с растопыренными конечностями отлетела. Но страх перешел в пороссячий восторг и полную амнезию насчет ремней, влившихся в филейные части и ребра.

— Я — чайка, — закричала я в восторженном перелуге, имея в виду терешковские позывные, а не чеховскую героиню, которая плохо кончила. Внизу дружно заржали. Столкнувшись у занавеса высоко над сценой с партнером, мы разлетелись, как заряды "плюс-минус", и плавно поплыли над "морем" назад.

— Ну вы даете! — сказали мне. — У нас артисты, прежде чем летать, месяц на полу репетировали. А вы сразу полетели.

— Красиво, но опасно, — сказала я. — А несчастные случаи были?

— Тьфу, тьфу. Мы ведь перед каждым спектаклем пробные полеты делаем. Только однажды артиста в темноте перед самоубийством пристегнули не к тросу, а к вышке. Так он и остался стоять, "прико-

ван-ный" к же-лезу, а артистка одна жизнь "закончила".

Оригинальное полетное устройство в "Комиссаржевке" соорудили четыре месяца, балконные балки столетней постройки проверяли на вшивость разные эксперты. Монтируют "Самоубийство" с раннего утра до вечера, и, несмотря на все хлопоты, этот спектакль обожают в театре все — от директора до уборщицы. Еще бы! Как не любить такое самоубийство! Всем театральным самоубийствам самоубийство. Когда я уже сидела на сцене на спектакле, то в отличие от обалдевшей публики знала, что после жутких кровавых слов: "Он, возлюбленную усадив на землю, вонзает наискось ей в грудь клинок" и еще после "притягивает длинный пояс и, в петлю голову продев, на шею прилаживает шнур, прыгает с откоса, повисает..." случится безумно красивый полет двух фигур в белом. Полет — как символ любви в спектакле. Как победа художественной мысли над скучным бытом в театре. Как торжество журналистской натуры над собственной слабостью. И как чувство превосходства этой профессии над всеми остальными.

P.S. Если бы не оригинальные декорации с удивительным полетным устройством, то "Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей" было бы совсем другим спектаклем. Тот случай, когда сценография, а не актеры и режиссер определяет успех спектакля.

Марина РАЙКИНА.

Фото Владимира Тельзака.

Значит, вы так здесь убиваетесь?

исск. Рассказываю. 1997. 11 февр. с. 8.